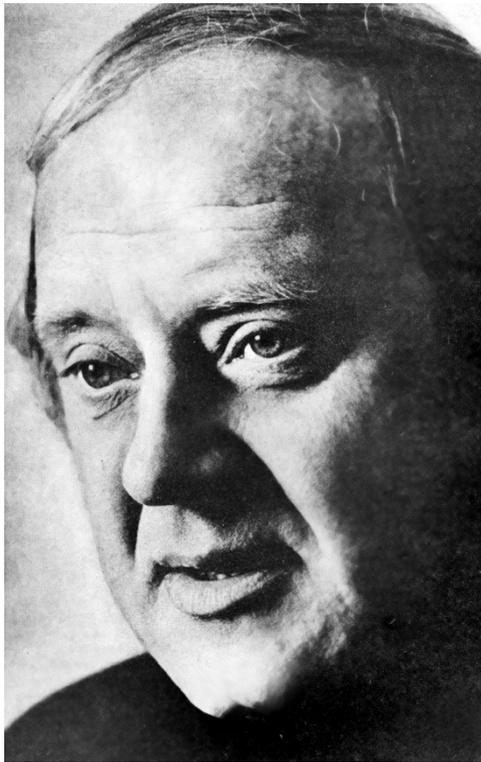

Веселый // Волга. 1960. № 2; Скобелев В. Артем Веселый: Очерк жизни и творчества. Куйбышев, 1974; Либединский Ю. Избранные произведения: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 340–349; Веселая Г. Артем Веселый и книга // Альм. библиофила. М., 1982. Вып. 13. С. 68–83; Хватов А. Артем Веселый: Страницы творческой биографии писателя // Веселый А. Избранная проза. Л., 1983; Веселая З. Молодой Артем: Об А. Веселом // Хронограф-89: сб. М., 1989. С. 258–265; Скобелев В. Слово далекое и близкое. Самара, 1991. С. 260–279.

Н. А. Грознова

ВИЗБОР Юрий Иосифович [20.6.1934, Москва — 17.9.1984, Москва] — поэт, прозаик, журналист.

Отец В. литовец Иозас Ионасович (Иосиф Иванович) Визборас, моряк, затем военнослужащий, был репрессирован; реабилитирован посмертно в 1958. Мать Мария Григорьевна Шевченко родилась в Краснодаре, где в детстве неоднократно бывал и В., сохранивший память о природе и народных песнях Юга России. После ареста отца мать, медик по образованию, поехала вместе с В. в Хабаровск в надежде улучшить материальное положение семьи; впечатления от поездки и не-

Ю. И. Визбор

долгого пребывания на Дальнем Востоке, вероятно, пробудили интерес В. к далеким краям и страсть к путешествиям, которые стали частью его жизни и источником творчества.

Москва военной поры и первого послевоенного десятилетия воспринималась В. как событийно богатая, эмоционально яркая жизненная среда; она с детских лет интенсивно формировала его мироощущение и впоследствии питала его поэзию. В. жил в районе Петровского парка, близ Академии им. Жуковского, затем семья переехала на Сретенку в Панкратьевский переулок (что возле Большой Сухаревки), а позже — на Новопесчаную улицу, за Ходынской. В этой городской среде, социально разнородной и подвижной, главное значение приобретало то ближайшее устойчивое сообщество (включающее прежде всего подростков и отчасти взрослых), которое объединяется понятием «московский двор». Двор, особенно для мальчика, значил подчас больше, чем дом, влиял сильнее, чем семья. На этой открытой сцене впервые опознавались и опробовались подростком социальные роли, складывались моральные представления, поведенческие установки, разыгрывались первые драмы чувств. Отсюда начиналось осваивание Москвы как личного, а затем и как общего исторического пространства (сравни арбатские дворы и московские маршруты в творчестве Б. Ш. Окуджавы, Благошу у М. Л. Анчарова и др.). Детство и юность В. тем теснее были связаны с двором, что тяжелый характер отчима отталкивал его от дома — в эти годы В. «фактически только ночевал в своей квартире» (Я сердце оставил в синих горах. С. 15). Впоследствии двор будет точкой отсчета в лирической ретроспективе В.: «Я врываю в мой сретенский двор, / Словно в порт, из которого вышел» («Сретенский двор», 1970). Здесь встречает его «на войну опоздавшая юность», здесь охватывает ностальгия по детству: «Ах, вернуть бы мне те корабли / С парусами в косую линейку» (Там же). Отсюда же берет свое начало путь «нашего поколения» с его героикой и драматизмом: «Отставить крики! Тихо, Сретенка, не плачь! / Мы стали все твоею общою судьбой» («Волейбол на Сретенке», 1983).

Кроме игры, спорта, противостояния «чужим» дворам, важным моментом в жизни дворового сообщества в ту пору было исполнение под гитару песен, отчасти унаследованных от предвоенных и военных лет, отчасти создававшихся в низовой городской среде. Гитара, ретрируемая в официальной культуре, стала инструментом для «своего круга»,

пение под нее стало формой музыкально-позитивного общения людей, связанных дружескими отношениями, интересами, бытовым укладом. Выработался особый стиль такого общения, предполагавший равно близкие всем темы, окрашенные то сентиментально, то иронически, допускавший простой, подчас банальный образный язык, но требовавший искренности, полной открытости, что выражалось не столько в тексте песни, сколько в живом голосе со всей гаммой душевных интонаций. Как вспоминал В. позже, именно «в тополиных московских дворах» («**Обучаю играть на гитаре...**», 1979) он начал осваивать эту форму общения и этот стиль, а затем они, развиваясь у него тематически и художественно уже в ином социальном окружении (студенчество, интеллигенция), определили главную область его творчества.

С 9-го класса В. увлекся авиацией, занимался в 4-м московском аэроклубе и собирался стать летчиком; после окончания школы переселился на учебный аэродром в Тайнинку, откуда, однако, его забрала мать, настаивавшая на продолжении образования в вузе. Не без влияния своего приятеля Володи Красновского В. в 1951 поступил на ф-т русского яз. и лит-ры Московского гос. педагогического ин-та. В 1950-е благодаря таким одаренным энтузиастам, как Максим Кусургашев, Юрий Ряшенцев, Вячеслав Иващенко, Игорь Мотяшов, Семен Богуславский, Петр Фоменко, Юрий Коваль и др. (все они получили известность в лит-ре или журналистике), на ф-те царил атмосфера общественной и творческой активности; собственно учеба, филология оказывались на втором плане. В. сразу же включился в эту студенческую жизнь, отдаваясь и прежним, и новым увлечениям.

В послесталинскую эпоху молодая жажда свободы выливалась в коллективное стремление раздвинуть географические и вместе с тем психические границы существования, придать ему большую подвижность. На пороге «оттепели» открывались дали, которые звали именно к личности — к ее самоопределению, к ее инициативе, к личному риску и ответственности, что получило тогда расплывчатое по смыслу, но эмоционально внятное всем название «романтика». Новые пространства, новый жизненный материал, новые состояния души — вот что влекло вдаль человека, учившегося чувствовать и мыслить самостоятельно. Более всего удовлетворяли этой потребности экспедиции, редакционные командировки, экстремальные виды спорта, и героями времени становились геологи, топографы, строители новых трасс, моряки,

журналисты, туристы, забравшиеся в нехоженые и опасные места, альпинисты, горнолыжники.

Для В. это движение эпохи оказалось содержанием всей его жизни; почти все названные роды деятельности вошли в состав его личного опыта. Он начал с туристских походов в ин-те; став профессиональным журналистом, участвовал в экспедициях и плаваниях, совершал восхождения на Кавказе и Памире, работал инструктором горнолыжного спорта. Как и многие из его поколения, он рано ощутил необходимость немедленно выразить это внезапное и небывалое расширение мира, эти новые возможности, новую героику и, конечно, новые настроения личности, с ее весьма субъективным подчас взглядом на мир. Он не хотел ждать авторитетных худож. воплощений, тем более что совр. «большая лит-ра», перегруженная идеологией, страдавшая избыточной (нередко искусственной) эпичностью, не допускала мировоззренческого субъективизма и вольных импровизаций. Единственным свободным жанром, гибким и отзывчивым, оказался жанр самостоятельной (или т. н. «авторской») песни.

Он возник отчасти как противодействие монументализации песенных форм в 1940–50-е, когда, по словам В., «были песни-диктаторы, песни-наставники и учителя, но песен-друзей <...> практически не было. И вот образовался некий вакуум на человечность песни, на ее доброту, на сердечность» (Монологи со сцены. С. 94). Самостоятельная песня заговорила «человечным», дружески-доверительным языком, пытаясь передать новое мироощущение личности. Тематическим наполнением жанра стали странствия, близкие и дальние, реальные и воображаемые; интимно переживаемые встречи и расставания с природой и людьми, победы и поражения на пути к цели; драматические коллизии дружбы и любви.

В этом русле развивалось песенно-поэтическое творчество В. Первую песню, «**Мадагаскар**», он сочинил в 1952, используя заимствованную мелодию; она получила распространение, молва приписывала ее авторство Киплингу. Свойственные последнему мотивы экзотики и приключений есть в этой песне, но едва ли не важнее для В. в этом плане было не декларируемое знакомство со стихами Н. С. Гумилева, реминисценции из которых очевидны и здесь, и в песнях «**Сделана в дымных, больших городах...**» (1957), «**Спокойно, дружище, спокойно!..**» (1962). Сочинительством такого рода увлекались многие; совместно с друзьями В.

в 1950-е пишет песни **«Бивуак»**, **«Над рекой рассвет встает...»**, **«Прощальная»**, **«Синей дымкою горы подернулись...»**. С. Богдасарова, В. Красновский писали музыку к песням В. той поры **«Парень из Кентукки»**, **«Карельский вальс»**, **«Прощай, Москва!»**, **«Старые ели»**, **«Тихий вечер спустился за Камою...»**, **«Дождик опять моросит с утра...»**.

Традицию продолжали позднее учившиеся в МГПИ Ада Якушева, Юлий Ким, Борис Вахнюк, Владимир Чернов. В МГУ образовалась в те годы своя группа поэтов-песенников во главе с Дмитрием Сухаревым. О массовости этой традиции свидетельствует знаменитый Грушинский фестиваль самодеятельной песни. Учрежденный в память туриста Валерия Грушина, погибшего в Саянах при спасении детей, он собирал более 20 тысяч участников со всей страны. Гимном фестиваля стала песня В. **«Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...»** (1973). Хотя со временем появлялось немало талантливых, даже выдающихся авторов, работавших в данном жанре, у истоков традиции стоял именно В., который, по воспоминанию Л. Аннинского, в конце 1950-х «единолично овладел вниманием и сердцами слушателей. Это было до Окуджавы, до Высоцкого, до Анчарова, до Кима и Коваля, до Новеллы Матвеевой, пожалуй, даже до Городницкого и Ады Якушевой. Магнитофонные ленты, мотавшиеся „из дома в дом“, и живые голоса, подхватывавшие песню „от костра к костру“, несли тогда интонацию Визбора» (Аннинский Л. Гитара Визбора. Два вздоха о поэте // Визбор Ю. Я сердце оставил... М., 1989. С. 8).

Окончив в 1955 ин-т, В. работал школьным учителем в пос. Кизема Архангельской обл., затем служил в армии радистом, объездил почти весь Север России. В армейских газ. появились его первые публикации — рассказы, стихи, строевая песня связистов. С возвращением в Москву начинается его карьера радиожурналиста. В эфире звучат «песни-репортажи» В., в которых он в манере сдержанного, «сурового» лиризма, противопоставленного пафосному тону официоза, повествует о первопроходцах и летчиках, о прокладке дорог и морской путине — повествует как о близких лично ему людях и событиях (**«На плато Расвумчорр»**, 1961; **«Хамар-Дабан»**, 1962; **«Ночной полет»**, 1964; **«Тралфлот»**, 1965; **«Репортаж с трассы Хорог-Ош»**, 1965; **«Капитан ВВС Донцов»**, 1967; **«Песня о подводниках»**, 1970; **«Мы вышли из зоны циклона...»**, 1980). Использованный здесь при-

ем авторского вхождения в ситуацию персонажа В. переносит и в разработку фронтовой темы, воссоздавая, например, в песне **«Рассказ ветерана»** (1972) не притупленное временем переживание боя и горькой вины перед погибшим товарищем. «Песня-репортаж» — лишь один из жанров, оформлявших найденный В.-журналистом документальный материал. Чаще последний давался в свободном лирическом изложении, как в песнях **«Якоря не бросать»** (1963), **«Остров Путьтин»** (1963), **«Три минуты тишины»** (1965), **«Окраина земная»** (1965), **«Сергея Санин»** (1965), **«Ботик»** (1968), **«Я иду на ледоколе»** (1973), **«Таллин»** (1978), **«Ледовая разведка»** (1980) и др. Кроме того, из этого материала делалась проза В.: очерки **«Ночь на плато»** (1965), **«Все без обмана»** (1968), **«Подвиг на Короне»** (1972), **«Лучше гор — только горы!»** (1978), **«Когда все были вместе...»** (1983); рассказы **«Ноль эмоций»** (1965), **«Снег»** (1965); повести **«Арктика, дом два»** (1968), **«Альтернатива вершины Ключ»** (1981), **«Завтрак с видом на Эльбрус»** (1983). Выбор героев (здесь это моряки, поисковики, полярные летчики, альпинисты, горнолыжники, изображение «настоящих мужчин» в экстремальных ситуациях, в острых нравственных столкновениях, в преодолении своих душевных драм — все это обусловлено моральными и эстетическими идеалами интеллигенции конца 1950–60-х, влиявшими на лит-ру той поры. Сб. рассказов, вышедший в Мурманске в 1966, был первой книгой В.

Вместе с коллегами он организовал популярную в 1960-е радиостанцию «Юность», готовил ее программы; при его ближайшем участии создавался и «Кругозор», первый в стране журнал с звукозаписями на гибких пластинках. С 1970 В. работал в творческом объединении «Экран» Центрального телевидения, выступая в качестве сценариста (иногда и режиссера, автора текста) многих документальных фильмов. По его сценариям сняты худож. ленты **«Год дракона»**, **«Капитан Фракасс»**, **«Прыжок»**; в театрах ставились его пьесы **«Автоград-XXI»**, инсценировка **«В списках не значился»** (обе в соавторстве с М. А. Захаровым, 1975). В. также сыграл разноплановые роли в кино («Июльский дождь», «Красная палатка», «Рудольфио», «Семнадцать мгновений весны» и др.).

Главное в наследии В. — песни; всего их более 400. В них полно выразилось жизненное самочувствие самого автора и той части

его поколения, для которой главными ценностями были автономия души и тепло человеческих отношений.

Московская тема, одна из существенных в его песнях, звучала звонко и мажорно до начала 1960-х, пока жил свой двор и надежным приютом был дом 8/10 на Неглинной («**Охотный ряд**», 1960; «**О Москва святая**», 1962; «**Песня о Москве**», 1963). Потом преобладающим в ней становится мотив «городского одиночества», кажущегося подчас безысходным. Оно усугубляется разлукой с женщиной («**Такси**», 1965; «**Телефон**», 1970; «**Воскресенье в Москве**», 1970), расставанием с друзьями («**В Аркашиной квартире**», 1979). Постепенно возникает ощущение замкнутого пространства, и мир сводится к печальному виду из окна: «Кусок асфальта, мокрые машины, / Высотных зданий сизые вершины — / Таков пейзаж из форточки моей» («**Октябрь. Садовое кольцо**», 1981).

Но еще в 1950-е В. и его друзья открыли для себя простор ближнего мира — Подмоскovie, куда всегда можно было вырваться из городской тесноты, остро ощутить близость с природой и друг с другом («**Здравствуй, осень!**», 1959; «**Подмосковная**», 1960; «**Подмосковная зима**», 1963). Тогда, в «туристский» период творчества, эти переполняющие душу ощущения выплеснулись у В. одновременно в стихе, мелодии и голосе, связав их неразрывно и навсегда в особом артистическом единстве — в визборовской песне. По наблюдению Л. Аннинского, «в его голосе искрилось ликование, у него улыбалось каждое слово, каждый звук; эта свободно играющая радость окрашивала у него любую песню, даже грустную» (Аннинский Л. Гитара Визбора. С. 8). Действительно, словесно-образный ряд в песне В. строится в прямом расчете на интимную мелодико-интонационную экспрессию, которая существенно дополняет и усиливает вербальные смыслы и не только передается в исполнении, но воспринимается в читаемом тексте, часто поддерживаемая куплетно-рефренной структурой последнего.

Выход за пределы малого пространства — дорога, сквозной мотив у В., начиная с 1950-х: «Как веселые зайцы, выпрыгивают повороты, / Развеваются ветры, как плащ за моею спиной. / Дорогая дорога, живущего мира ворота, / Отворись предо мной, отворись предо мной» («**Ах, дорога**», 1958). Для В. дорога — развязка драм, исцеление душевной боли, преодоление разлук и обещание новых встреч («**Ночная дорога**»,

1973). И последние желания и надежды — уже неисполнимые — он связывал с дорогой («**Увы, мои друзья!**», 1983).

За ближним миром открывались дальние; за ними — «окраина земная», а в центре бытийного пространства у В. встали горы, абсолютно возвышаясь над всем земным — вещественно и духовно. К этой сердцевине мира сходились линии странствий и линии судьбы. «Я сердце оставил в Фанских горах» («**Фанские горы**», 1976), — так, перефразируя стих Р. Бернса, определил В. важную тему своей жизни и поэзии. Сильные и сложные чувства, впервые захватившие В. на Кавказе, во время восхождений, едва обозначены в ранних песнях («**Теберда**», 1952; «**Каракая**», 1954; «**Синие горы**», 1956), лирическая речь, за исключением нескольких строк, оставалась книжной; она по-настоящему «запела» в «**Домбайском вальсе**» (1961). Далее «горная» песня, сохраняя вершинный для В. смысл, предстает в трех жанрово-стилевых разновидностях: веселый гимн свободе тела и души («**Хижина**», 1962; «**Зимний лагерь „Алибек“**», 1962; «**Горнолыжная**», 1965; «**Настанет день...**», 1978); сюжетная элегия, передающая авторское переживание эпизода («**Снегопад**», 1966; «**Непогода в горах**», 1978); патетическая ода воле, мужеству, дружбе восходителей («**Июльские снега**», 1966; «**Песня альпинистов**», 1967; «**Памяти М. Хергиани**», 1976; «**Памирская песня**», 1977; «**Третий полюс**», 1982 и др.).

Еще одна значительная тема его песен — вечный круговорот расставаний, возвращений, последних разлук, вызывающий у автора то щемящую грусть, то печальную улыбку, то скепсис, то надежду («**Ты у меня одна...**», 1964; «**Песня об осени**», 1970; «**Ах, что за дни такие наступают...**», 1972; «**Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...**», 1973; «**Улетаем**», 1974; «**Памяти ушедших**», 1978; «**Передо мною горы и река...**», 1978; «**Давайте прощаться, друзья**», 1980).

При жизни В. его песенное наследие почти не издавалось и не получило серьезной критической оценки. Но оно широко распространялось в магнитофонных записях, в концертном и бытовом исполнении.

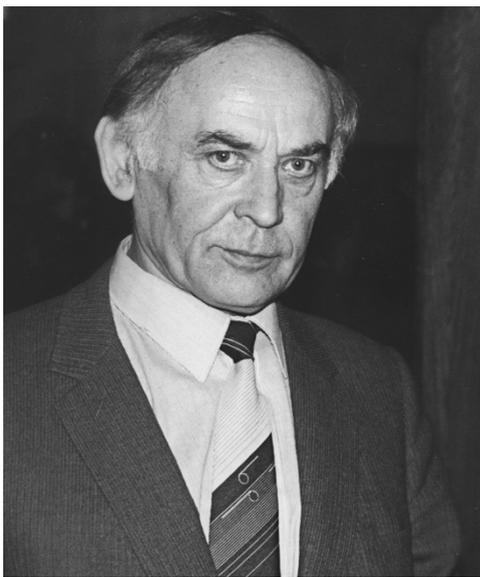
Соч.: Соч.: в 3 т. М., 2001; Соч.: в 2 т. М., 1999; Ноль эмоций: рассказы. Мурманск, 1966; Я сердце оставил в синих горах. Стихи. Песни. Проза. 3-е изд. М., 1989; Когда все были вместе... сб. М., 1989; Верю в семиструнную гитару. М., 1996; Монологи со сцены: О себе, о кино, о песне. М., 2000.

Лит.: Сухарев Д. А. Юрий Визбор. Творческий путь. М., 1987; Клячкин Е. Я помню: Памяти Юрия Визбора // В мире книг. 1987. № 9; Педенко С. Пик Визбора // Знамя. 1988. № 8; Уже и рассветы проснулись, что к жизни тебя возвратят... // Советская библиография. 1989. № 1 [автобиографическая заметка, подборка стих., список публикаций В. и лит-ры о нем]; Москвина Л. С. Дядя Визбор — мой кумир. М., 1992; Визбор Т. Ю. Здравствуй, здравствуй, я вернулся!.. М., 1998; Соколова И. А. Многоголосье Юрия Визбора: Жанры, формы, стилистика // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М., 1999; Аннинский Л. Барды. М., 1999; Мансков С. А. «Вертикаль мира» в песнях Юрия Визбора // Культура и текст. СПб., 1999; Якушева А. А. Три жены тому назад... (История одной переписки). М., 2001; Мансков С. А. Лирический герой песен Ю. Визбора // Проблемы лит. жанров. Томск, 2002. Ч. 2.

В. А. Котельников

ВИКУЛОВ Сергей Васильевич [28.6.1922, д. Емельяновская Белозерского р-на Вологодской обл.] — поэт, очеркист.

Родился в семье фельдшера, после окончания 7-летней школы рабочей молодежи поступил в Белозерский педтехникум. Учился в Севастопольском зенитно-артиллерийском училище, затем военная учеба продолжалась в Саратовской обл., в Точках военных лагерях. В начале 1942 участвовал в боях северо-западнее Ржева; командовал взводом, батареей, был помощником начальника штаба артиллерийского полка. Поэт А. Романов вспоминал о В.: «Он вместе со своими зенит-

С. В. Викулов

чиками верста за верстой шел по земле Украины, а потом Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии. Он шел по земле, а дорожку победе прокладывал в европейском небе» (Вологодский комсомолец. 1965. 9 мая). До войны опубликовал стихи в районной газ. «Белозерский колхозник». Во время войны несколько стих. под псевдонимом Я. Сервик (Я — Сергей Викулов) опубликовал в газ. 3-го Украинского фронта.

После войны работает литконсультантом при областной газ. «Красный Север», печатается в газ. «Красный Север», «Вологодский комсомолец», в 1951 оканчивает Вологодский педагогический ин-т. Много ездит по районам родной Вологодской обл., многочисленные очерки о сельской жизни публикует в местной печати и ж. «Октябрь», частично они вошли в книгу «Свежие пласты» (1964). Собирает и обрабатывает фольклор, составляет и издает сб. «Частушки» (1952) и «Вологодские частушки, пословицы, поговорки» (1957), сопроводив их своими вступ. статьями.

Первая книга стихов «Завоеванное счастье» вышла в Вологде в 1949. За ней последовали книги «Хозяева земли» (1950), «Новый берег» (1952), «Зеленый цех» (1954), «Заозерье» (1956), «Полюшко-поле» (1958), «Хорошая будет погода», «Случай на реке» (обе — 1961), «Деревьям снятся листья» (1962). Это был энергичный старт, и поэт не быстро, но прочно входит в сознание современников.

Стихи В. приветствуют А. Яшин, К. Конищев, Я. Смеляков, Вас. Федоров, Е. Исаяев, В. Боков, В. Солоухин, С. Михалков и др. известные литераторы.

В творчестве В. русская деревня предстает как духовно богатый мир, населенный интересными и содержательными людьми, судьбы которых глубоко волнуют поэта, как и проблемы, которые они решают. Первая поэма В. «В метель» (1955) посвящена драматической, но типичной ситуации: крестьянский сын Степан Завьялов уходит в город, покидает отчий край. В поэме «Галинкино лето» (1956) девочка-крестьянка, наоборот, вопреки желанию родной матери, знающей трудность деревенской жизни, не уезжает в город, остается в селе. Актуальная тема развивается в поэме «Преодоление» (1961), герой которой Валерий Бочаров приезжает после окончания ин-та в колхоз и выводит его в передовые. По замечанию Я. Смелякова, В. «знает отлично деревенскую жизнь и свою любовь к труженикам земли передает в запоминающихся стихах»